

Годъ

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ

XXVI.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 11.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной семинаріи.

1885 года, Марта 10-го.

Содержаніе: Начало утрени въ первый день Пасхи и крестный ходъ кругомъ храма предъ этимъ началомъ.—Права и обязанности пресвитеровъ, какъ членовъ присутственныхъ епархіальныхъ мѣстъ и какъ административно и почетно-должностныхъ лицъ, по постановленіямъ русской Церкви.—Отвѣтъ Иисуса Христа просившимъ отъ Него знаменія.—Разумная голова.

Начало утрени въ первый день Пасхи и крестный ходъ кругомъ храма предъ этимъ началомъ.

Въ первый день Пасхи, при началѣ утрени, одни священники, держась буквально Устава, выходятъ изъ алтаря съ крестнымъ ходомъ въ сѣверную дверь храма (гдѣ, конечно, есть такая дверь) и оттуда доходятъ до затворенной западной двери и здѣсь начинаютъ утрению. Слѣдовательно, обходятъ съ иконами и евангеліемъ не весь храмъ кругомъ, а только четверть храма. Другіе выходятъ изъ храма тоже черезъ сѣверныя двери, идутъ на западъ и, не останавливаясь противъ западной двери, обходятъ далѣе на югъ, востокъ, сѣверъ и приходятъ для начала

утрени опять къ затворенной западной двери. Третьи, наконецъ, выходятъ изъ храма черезъ западныя двери, такъ какъ немногіе храмы имѣють сѣверную дверь, обходятъ кругомъ храма и приходятъ снова къ той же западной двери, уже затворенной и здѣсь начинаютъ утреню (Тульск. епарх. вѣд. 1884 г. № 12 стр. 327). Спрашивается теперь, какая изъ этихъ практикъ ближе всего стоитъ къ Типикону и, слѣдовательно, болѣе другихъ правильная и исторически вѣрная? Иначе говоря: на чемъ коренится нынѣ утвердившійся въ богослужбной практикѣ русскои Церкви обычай—дѣлать предъ началомъ утрени крестный ходъ кругомъ храма и затѣмъ уже начинать утреню?

Въ нынѣшнемъ Типиконѣ такъ описывается начало утрени на Пасху: „объ часѣ утреннѣмъ, паракеклисіархъ, возьмъ благословеніе у настоятеля, исходитъ и ударяетъ въ великое, и клеплетъ довольно. И вшедъ во храмъ, вжигаетъ свѣщцы вся и кандила: устроитъ же сосуды два со угліемъ горящимъ, и влагаетъ въ нихъ фиміама много благовоннаго и поставляетъ единъ сосудъ среди церкви, другій же во святомъ олтарѣ: яко да исполнится церковь вся благовоніа. Также настоятель вшедъ во святыи олтарь со іереи и діаконъ, облачится въ весь свѣтлѣйшій санъ, и раздастъ свѣщцы братіи. И возьметъ честный крестъ: кадило же возьметъ діаконъ, іерей же святое Евангеліе, инъ іерей образъ Воскресенія Христова, и ставятся лицомъ на западъ. И затворятъ врата церковная яже къ западу. Исходитъ настоятель со іереи въ притворъ, сѣверными дверми, предъидущимъ предъ нимъ діакономъ со двѣма свѣщами, и оба лъки, поюще стихиру, гласъ 6: Воскресеніе Твое Христе Спасе¹⁾).

¹⁾ Сей стихъ, по замѣчанію нашего Типикона, »не обрѣтается ни во единомъ отъ Уставовъ, ниже въ Пендикостаріяхъ, еже бы здѣ пѣваему быти ему« (л. 397). Дѣйствительно, въ древнѣйшихъ Типиконахъ и Трїодяхъ рукописныхъ и старопечатныхъ, нашихъ и греческихъ этой стихиры въ данномъ мѣстѣ не было. Въ современныя намъ богослужбныя книги она яви-

Таже ударяють во вся кампаны и тяжкая и клеплють довольно. И вшедше въ притворъ и стануть со евангелиемъ и со образомъ лицемъ на западъ, якоже указася прежде“ (л. 397). Это описаніе значительно разнится отъ описанія, какое даетъ нынѣшній греческій іерусалимскій Типиконъ, который тоже, какъ и нашъ Уставъ, ничего не говоритъ о крестномъ ходѣ кругомъ храма, а лишь о выходѣ изъ храма въ притворъ черезъ сѣверныя двери (*καὶ ἐξέρχεται ἐν τῷ νόρθηκι διὰ τοῦ βορείου μέρους*)¹⁾.

лась несомнѣнно подъ влияніемъ позднѣйшей практики церковей христіанскаго востока (Топик. К. Протофалт. ἐν Κωνσταντ. 1838 г. стр. 191; Великій постъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ. М. 1864 г. стр. 75; Труды Кіевской духовн. Акад. 1866 г. т. I, стр. 483). Эта пѣснь въ Іерусалимѣ поется и въ Великую субботу предъ добываніемъ, такъ называемаго »свѣта святаго«. Въ два часа по полудни совершается крестный ходъ къ кувуклію. Впереди несутъ хоругви, далѣе идутъ пѣвчіе и нѣсколько паръ іереевъ, облаченныхъ въ свѣтлыя ризы. Съ пѣніемъ стихиры: »Воскресеніе Твое Христе Спасе« обходятъ трижды кувуклію, послѣ чего патріархъ нисходитъ въ кувуклію для молитвы о ниспосланіи »свѣта святаго« (Велнк. постъ въ свят. градѣ Іерус. стр. 69).

¹⁾ Топик. edit. Venet. 1643 л. 87. 'Ο δὲ ἱερεὺς ἐν τῷ διακονικῷ ἀλλάσσει πᾶσαν τὴν λευκὴν στολὴν αὐτοῦ, καὶ ἐξέρχεται ἐν τῷ νόρθηκι διὰ τοῦ βορείου μέρους, θυμιῶν. Προπορευομένων αὐτῷ λαμπάδων δύο, καὶ θυμιᾶ ἅπαντας κατὰ τὴν τάξιν. 'Ο δὲ καὶ καθηγούμενος διανέμει τὰ κήρια, ἧ ὁ ἐκκλησιάρχης καὶ ἄπομεν αὐτὰ πάντες. Μετὰ δὲ τὸ θυμιᾶσαι πάντας, ὁ ἱερεὺς ἴσταται ἐνώπιον τῶν βασιλικῶν πολῶν καὶ ποιεῖ σταυρὸν μετὰ τοῦ θυμιατοῦ, λεγῶν. Δόξα τῇ ἁγίᾳ... Буквально также описывается этотъ моментъ пасхальной утрени и въ древнѣйшихъ греческихъ рукописяхъ. Топик. ркп. XIV в. собр. Норов. (М. Румянц. муз.) № 385 л. 110; ркп. XV в. М. Синод. библ. № 456 л. 119; № 381 л. 158; XVI в. ркп. той же библ. № 487 л. 253 об.; Топикон edit. Venet. 1577 л. 87 об. Въ другихъ же рукописяхъ все существенное излагается также, но есть небольшая разница въ текстѣ и не важныхъ подробностяхъ. Выходъ изъ храма въ притворъ не имѣетъ особенностей отъ текста Типикона 1563 года. Триод. ркп. XIV в. Севаст. собр. № 479 л. 99 об.; Топик. ркп. XV—XVI в. М. Синод. библ. № 379 л. 207 об., 208 № 380 л. 177 об.

Даже нынѣшній Типиконъ Церкви Константинопольской и тотъ положительно умалчиваетъ о крестномъ ходѣ предъ началомъ утрени и описываетъ это начало очень сходно съ нашимъ Уставомъ. О выходѣ изъ храма этотъ Уставъ говоритъ нѣсколько неопредѣленно. „Потомъ выходитъ (т. е. священникъ) изъ алтаря, говорится въ этомъ Уставѣ, съ пѣніемъ: „Воскресеніе Твое Христе Спасе“, и поется эта стихира, пока не достигнемъ опредѣленнаго мѣста“ (ἐς τὸν διωρεσμένον τόπον) ¹⁾. Очевидно, подъ этимъ опредѣленнымъ мѣстомъ разумѣется притворъ, куда выходятъ священнослужители въ томъ порядкѣ, какой рекомендуетъ господствующій іерусалимскій Уставъ.

Такимъ образомъ, сличивъ всѣ три обычая нашей современной богослужебной практики относительно начала утрени въ первый день Пасхи съ описаніями его въ уставахъ нашемъ и церквей восточныхъ, мы должны придти къ такому заключенію, что первый изъ нихъ, т. е. обычай выходить изъ храма въ притворъ черезъ сѣверныя двери и не дѣлать крестнаго хода кругомъ храма—этотъ обычай представляетъ намъ буквально-точное выполненіе нашего современнаго Типикона и весьма не многими особенностями ²⁾ разнится отъ практики церквей христіан-

¹⁾ Толков. К. Протофалт. Констант. 1838 стр. 191. Слич. Типик. церковн. изд. Г. К. Протопс. Конст. 1860 г. стр. 298.

²⁾ Существенная разность практики восточныхъ церквей отъ нашей въ данномъ случаѣ заключается въ чтеніи евангелія отъ Матѳея зачало 115: »Вечеръ субботній« (Толк. 1838 г. стр. 191; Уст. церк. 1860 г. стр. 298; Труд. Киев. дух. Акад. 1866 г. т. I, стр. 483; Велик. постъ во св. градѣ Іерусал. М. 1864 г. стр. 75). Объ этомъ чтеніи въ современномъ болгарскомъ Типиконѣ дѣлается также любопытное замѣчаніе: »Понеже мнози отъ христіанъ не исходяще изъ храма во время Воскресенія, не точію лишаются слышанія перваго радостотворнаго тропаря славнаго воскресенія, но и евангелія и прочихъ во священносовершеніи томъ бываемыхъ, сего ради въ величѣйшій церкви остающъ внутрь храма едниъ отъ святыхъ архіереевъ совершаетъ непремѣнно все возслѣдованіе (весь обрядъ) воскресенія къ удовольствію и слышанію въ храмѣ остаю-

скаго востока. Этотъ обычай кромѣ того имѣетъ за собою и глубокую историческую давность, которая тоже даетъ ему право считаться болѣе правильнымъ, чѣмъ другіе существующіе нынѣ обычаи.

Самое древнѣйшее описаніе начала утрени на Пасху сохранилось до насъ отъ XI—XII вѣка въ Уставѣ Московской типографской библіотеки. „О святѣй величѣй недѣли¹⁾ вѣдѣти есть, говорится въ этомъ Уставѣ, яко пришествіе 3 стражу, рекше въ 9 часъ подаваетъ (подаетъ) знаменіе водныхъ часовъ. Также всю недѣлю до антипасхи. Попъ встанетъ возбужая и обиходитъ возбужая братію съ свѣщю, вѣщая яснымъ гласомъ: „Христосъ воскресе“. Се же не единою, но многаяжды. По престаніи же того, ударить въ било и всей братіи собирающися въ паперть церковный, и молящемся тихо. Попъ кадилницѣ пріимъ²⁾, покадитъ первѣе святый алтарь, свѣщамъ ему предъ-

щихся христіановъ» (Устав. церковн. 1860 г. Конст. стр. 298 прим. 1). Кромѣ чтенія евангелія въ Уставѣ Константинопольской Церкви ничего не говорится о выносѣ иконы Воскресенія Христова и нѣкоторыхъ другихъ неважныхъ подробностяхъ нашего Типикона (Толк. 1838 г. стр. 191).

¹⁾ Греческій подлинникъ всего Устава службы на Пасху изданъ Минемъ въ *Patrol. Curs. Complet.* t. 99 pag. 1704 и съ небольшими отличіями напечатанъ нами по рукописи Московской Синодальной библіотеки № 456 л. 131 въ статьѣ: > Богослуженіе въ русск. Церкви за первые пять вѣковъ < (Прав. Собесѣдн. 1882 г. ч. I, стр. 269—271).

²⁾ Это мѣсто, трудное для пониманія въ славянскомъ переводѣ, болѣе ясно и удобопонятно изложено въ греческомъ подлинникѣ. Читается это мѣсто такъ: *‘Ο καθηγούμενος, τοῦ θυμιάσαι λαβὼν τὴν εὐχὴν αὐτοῦ καὶ τὰς χεῖρας ἀπονιψάμενος, θυμιάσῃ πρὸς τὸ ἱερόν θυσιαστήριον καὶ κειθήεν διὰ τῆς ἔμπροσθεν κίχκλιδος ἐξελεθὼν, διέρχεται τὸ βρεῖτον κλιὸν τοῦ ναοῦ, ἐκκλησιάρχου μετὰ φανοῦ τῆς λαμπάδος προπορευομένου ἔμπροσθεν αὐτοῦ, καὶ φθάσας τὴν βασιλικὴν λεγομένην πόλην... ἀπέρκεται, θυμιάσας τοὺς ἀδελφοὺς. Ἐκφωνεῖ ὁ πρῶτος. Δόξα τῷ ἁγίῳ... Т. е. игумень, прочитавши кадилную молитву и омывши руки, кадитъ сначала святилище; а затѣмъ вышедши изъ него черезъ переднюю рѣшетку идетъ сѣверною дверью храма, съ преднесеніемъ ему впе-*

идущимъ и оттуду изъ преднихъ дверей шедъ, приходитъ полунощную страну церкви, идетъ до царскихъ дверей, тѣми изыдетъ. Внегда онъ се творить, приставникъ преходить всю братію и даетъ по свѣщи комуждо братіи. Попъ же, якоже речено бысть царьскими дверьми изшедъ покадитъ братію, начиная отъ лѣвыя страны и преходя въ паперть, и паки къ царскимъ дверемъ приходитъ. Посемъ, ставъ предъ дверьми, возгласитъ: „Слава единосущнѣй Троицѣ“ ¹⁾. Гораздо проще описывается этотъ моментъ пасхальной утрени въ другомъ памятникѣ того же времени, т. е. XII вѣка. „Во святую и великую недѣлю Пасхи, читаемъ мы въ этомъ памятникѣ, завтра предъ дверьми начинаютъ пѣніе се, и поюще внидутъ: пѣніе гласъ 5 „Христоръ воскресъ“ ²⁾. Изъ всѣхъ этихъ описаній становится ясно, что въ древности утрени пасхальная начиналась или непосредственно въ притворѣ, изъ котораго уже потомъ переходили въ храмъ для пѣнія утрени, или же въ храмъ входилъ только одинъ священникъ, кадилъ алтарь и церковь и черезъ сѣверныя двери или же прямо черезъ западныя выходилъ къ собравшемуся народу въ притворъ и здѣсь начиналъ утрению. О крестномъ ходѣ кругомъ храма и о выносѣ иконъ и Евангелія изъ храма здѣсь нѣтъ и помину. Такъ было въ нашей практикѣ безъ всякаго сомнѣнія до появленія на Руси списковъ Устава іерусалимскаго, въ которыхъ начало утрени описывается уже съ большею подробностію и большими церемоніями. Эти подробности въ очень мно-

реди еkkлiсiархомъ зажженной лампады, и доходить до такъ называемой царской двери, кадитъ братію. Предстоятель возгласаетъ: > Слава святѣй < (Тѣмж. ркп. М. Синод. библ. № 456 л. 141 Слич. Сергія мѣсяц. восток. ч. I стр. 42 прилож.).

¹⁾ Устав. ркп. XI—XII в. М. Типограф. библ. № 285 л. 9 об.—11 ркп. XII—XIII в. М. Синод. библ. № 330 л. 36—38. Слич. Полн. мѣсяц. восток. Сергія Москв. 1876 г. ч. I стр. 38—43 прилож.

²⁾ Трiод. ркп. XII в. М. Типограф. библ. № 254 л. 186 об.—187; Слич. ркп. той же библ. № 255 л. 54—55.

гомъ сходны съ тѣми, какія представляетъ намъ нашъ современный Тиниконъ. Предъ началомъ звона къ заутрени канонархъ ставилъ два сосуда съ горячими угольями—одинъ на срединѣ храма, а другой у царскихъ дверей. Въ алтарѣ вѣшалось кадило, наполненное тоже горячими угольями. Всюду онъ всыпалъ ошмѣамъ и куренія, чтобы весь храмъ наполнился благовоніями. Затѣмъ, испросивъ благословеніе у игумена, канонархъ „ударялъ въ камбонарій напрасно и во вся древа и желѣзная и тяжкая амбаны и клететь довольно“. По облаченіи „во весь свѣтлѣйшій санъ“, священники со свѣчами въ рукахъ, а игумень кромѣ того и съ кадиломъ, а по нѣкоторымъ памятникамъ—съ крестомъ и кадиломъ¹⁾, съ верными дверями выходили въ притворъ церковный. Впереди шли два пономаря съ под-свѣчниками, а за ними діаконъ съ лампадою. По приходѣ въ притворъ, церковныя двери затворялись. Игумень кадилъ всѣхъ находящихся въ притворѣ, а прочіе священники стояли „молящися въ себѣ и благодаряще насъ ради пострадавшаго и воскресшаго Христа Бога нашего“. Послѣ кажденія игумень подходилъ къ церковнымъ дверямъ, кадилъ діакона, стоящаго предъ нимъ съ лампадою, и передавалъ ему кадило. Діаконъ, принявъ кадило изъ рукъ игумена, кадилъ его и снова передавалъ ему. Игумень становился на свое мѣсто и произносилъ возгласъ: „Слава святѣй“, послѣ чего самъ онъ и прочіе священники пѣли трижды тропарь: „Христосъ воскресе“. Пѣвцы повторяли тоже самое три раза. Игумень послѣ этого произносилъ тѣ самыя стихи псалма, которые положены и нынѣ, а пѣвцы на нихъ отвѣчали всякій разъ троекратнымъ пѣніемъ тропаря: „Христосъ воскресе“²⁾. Однимъ словомъ мы видимъ описаніе начальнаго мо-

¹⁾ Часосл. ркп. XVI в. Солов. библ. № 1146 л. 247; Цвѣтн. Триод. изд. М. 1591 г. л. 206.

²⁾ Устав. ркп. 1492 г. Солов. библ. № 1128 л. 301 об., 302; ркп. XV и XVI вв. той же библ. № 1116 л. 454 об.; № 1118 л. 362;

мента пасхальной утрени, за немногими исключеніями, во всемъ сходное съ нынѣшнимъ. О выносѣ иконъ изъ храма и крестномъ ходѣ кругомъ монастыря или храма, согласно съ древнѣйшею практикою церквей восточныхъ¹⁾, наши Типиконы XV и XVI и даже XVII вѣковъ ничего не говорятъ. Но съ XV вѣка уже начинаетъ входить въ нашу богослужебную практику и другой обычай—выносить изъ храма крестъ, иконы и Евангеліе и ходить съ ними кругомъ храма. Обычай этотъ внѣ всякаго сомнѣнія соблюдался далеко не вездѣ, за что говоритъ единичность памятника, содержащаго въ себѣ указаніе на этотъ обычай, и, какъ „новшество“ богослужебной практики, заслужилъ неодобренія даже со стороны современниковъ. „А еже округъ божественныя Церкви трижды ходити съ евангеліемъ и крестомъ и иконами, говорится въ интересующемъ насъ памятникѣ, сего не предаеть намъ уставленія образъ“²⁾. Что въ данномъ случаѣ запрещается не только отправлять эту процессію троекратно, какъ думаетъ проф.

рпк. Анз. скит. № 85 л. 359 об.; № 86 л. 339; рпк. 1554 г. Казан. Спасо-Преобр. М., писанныя рукою св. Варсонофія л. 440; рпк. М. Синод. библ. 1438 г. № 331 л. 215 об.; 1553 г. № 337 л. 444; рпк. Типогр. библ. № 288 л. 363 об.; № 289 л. 377; Цвѣтн. Тріод. рпк. Солов. библ. № 1072 л. 138; № 1073 л. 113 об.; Слѣд. Псал. рпк. той же библ. № 769 л. 513 об.; № 771 л. 467 об.; № 772 л. 616; № 773 л. 415; Часосл. рпк. той же библ. № 1146 л. 247; № 1148 л. 389; № 1150 л. 738; № 1152 л. 299; № 1151 л. 375; № 1165 л. 140; Служебн. рпк. той же библ. № 1020 л. 29 об.; № 1025 л. 47 об.

¹⁾ Тѣлх. рпк. М. Синод. библ. № 379 л. 207 об.; № 380 л. 177 об.; № 381 л. 158; № 456 л. 119; № 487 л. 253 об.; рпк. Норов. собр. № 385 л. 110; Тріод. рпк. Севаст. собр. № 472 л. 223 об.; № 479 л. 99 об.; Тѣлх. edit. 1577 ап. л. 87 об.; Молд.-влах. Типик. рпк. Румянц. муз. № 443 л. 133.

²⁾ Общ. Миняя рпк. Моск. духовн. Акад. XV в. № 77 л. 233 об., 234 (Мансвет. О пѣсенн. послѣдован. стр. 79, прим. 1).

И. Д. Мансветовъ¹⁾, но и вообще хождение съ иконами кругомъ храма, это можно видѣть изъ того, что въ той же самой общей Миней XV в., рукописи Московской духовной Академіи, содержащей въ себѣ два Устава начала утрени на Пасху: одинъ примѣнительно къ прежнему порядку, когда дѣйствовалъ въ практикѣ Уставъ студійскій, а другой—къ новому, какъ описывается пасхальная утрени въ только что утвердившемся въ практикѣ Уставѣ іерусалимскомъ, мы не видимъ ни одного слова объ этомъ „непреданномъ намъ уставленія образъ“ или обрядѣ, а видимъ только его осужденіе. Это молчаніе настоящаго памятника, съ такою подробностію излагающаго обычаи существовавшіе, существующіе и только что появившіеся въ нашей богослужебной практикѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, это молчаніе о крестномъ хожденіи кругомъ храма съ иконами мы могли бы назвать страннымъ, если бы вышеуказанное запрещеніе относилось не ко всему вообще новому, не одобряемому Уставомъ, обычаю, а лишь только къ троекратному хожденію съ иконами кругомъ храма. Какъ бы тамъ ни было, но въ памятникахъ позднѣйшаго времени мы не находимъ болѣе указаній на этотъ случайно появившійся обычай—ходить предъ началомъ утрени кругомъ храма съ иконами и евангелиемъ. Даже Обиходники, или мѣстно-русскіе Уставы XVI вѣка, столь обильные разнаго рода процессіями, церемоніями и крестными ходами, господствующимъ Уставомъ не предусмотренными, и тѣ ни единымъ словомъ не обмолвились относительно настоящаго обычая. Очевидно, вышеприведенное замѣчаніе относительно его, попавшее на страницы богослужебной книги изъ какой нибудь грамоты епископа или даже митрополита, возымѣло свое дѣйствіе и въ самомъ началѣ положило конецъ этому не согласному съ дѣйствующимъ Уставомъ обычаю. Наши монастырскіе Обиходники напротивъ представляютъ намъ такое описаніе

¹⁾ О пѣсенномъ послѣдованіи. (Его древнѣйшая основа и общій строй) Мансвет., проф. М. дух. Акад. стр. 79.

начала пасхальной утрени, что мы должны оставить рѣшительно всякую мысль о крестномъ ходѣ кругомъ храма и утвердиться въ томъ положеніи, что этого хода не только не было въ монастырской практикѣ, но даже не могло быть, потому что Обиходники указываютъ выходить изъ храма черезъ западныя двери, и слѣдовательно лишаютъ возможности совершить и ту четверть хода, какую допускалъ господствовавшій іерусалимскій Уставъ. Впрочемъ, къ особенностямъ монастырскихъ Обиходниковъ нужно отнести обычай выносить изъ храма въ данномъ случаѣ кресты и иконы. Вотъ какъ описывается начало пасхальной утрени въ Обиходникахъ, или Уставахъ монастырей св. Кирилла Бѣлозерскаго и св. Антонія Сійскаго. Послѣ облаченія „въ ризы свѣтлыя, якоже на обѣдни“ священниковъ, пономари раздавали свѣчи и, при звонѣ „во всѣ колоколы“ черезъ западныя двери съ крестами и иконами выходили въ паперть. Здѣсь, лица, имѣвшіе въ рукахъ иконы и кресты становились „въ церкви хребтомъ“ въ такомъ порядкѣ: прежде съ крестами, потомъ съ евангеліемъ, затѣмъ съ иконою Воскресенія. Настоятель становился предъ иконами, по бокамъ его стояли другіе священники, а ниже пѣвчіе и народъ. Въ храмѣ не оставалось ни одного человѣка. „Не останется ни одинъ въ церкви“, замѣчаютъ Обиходники. Въ рукахъ настоятеля былъ крестъ, „подножіе котораго обвито ширинкою со свѣщю“¹⁾, въ рукахъ діа-

¹⁾ Въ этомъ нужно видѣть нѣчто похожее на нашъ нынѣшній три-свѣщникъ или трикирій, употребляемый священникомъ въ пасхальную недѣлю и въ день отданія Пасхи въ началѣ каждаго богослуженія. Объ этомъ трикиріи въ Уставѣ, нынѣ дѣйствующемъ, ничего не говорится. Выбсто этого въ немъ дѣлаются замѣчанія относительно діаконовъ, предъидущихъ священнику » съ двѣма свящамъ « при выходѣ изъ храма, о свѣтильникахъ, стоящихъ » по обою страну « священника, при началѣ самой пасхальной утрени и » о двухъ лампадахъ «, предъидущихъ священнику, при входѣ его во храмъ изъ притвора послѣ начала утрени. Всѣ эти замѣчанія относятся собственно къ утрени перваго дня пасхальной недѣли, а въ остальные дни

кона—кадило, которое бралъ у него настоятель уже въ паперти.
Тропарь: „Христось воскресъ“ настоятель пѣлъ два раза, а въ

священникъ начинаетъ службы по Уставу съ однимъ кадиломъ въ рукахъ (л. 404) и только въ отдаваніе Пасхи > съ кадиломъ и со свѣчею < (л. 423). Даже въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ архіерей начинаетъ эти службы съ однимъ крестомъ безъ трикирія, а архимандритъ даже и безъ креста съ одною свѣчею въ рукахъ (Никольск. Пособ. къ изуч. устав. богосл. стр. 613 прим. 2 и стр. 618 прим. 2). Откуда явился къ намъ обычай употреблять при пасхальномъ богослуженіи трикирій, особеннымъ образомъ устроенный—сказать прямо и точно, по отсутствію данныхъ, трудно. Рѣшеніе этого вопроса въ настоящее время возможно только предположительное и вѣроятное. На сколько можно судить, по имѣющимся у насъ подъ руками богослужебнымъ книгамъ прежняго времени и современнымъ Церквей греческихъ и описаніямъ пасхальной службы въ Іерусалимѣ нашими русскими помонниками,—употребленіе трикирія священниками въ данномъ случаѣ не практиковалось и не практикуется доселѣ на всемъ христіанскомъ востокѣ. Въмѣсто него священники начинаютъ утреню и служатъ ее съ одною простою зажженною свѣчею, которую они иногда получаютъ изъ рукъ настоятеля, призывающаго священнослужителей возгласомъ: > Δέετε, λάβετε φῶς—Прійдите, пріймите свѣтъ <. На этотъ призывъ священнослужители отвѣчаютъ дружно вмѣстѣ съ народомъ: > Ἐκ τοῦ ἀνεσπέρου φωτός—Отъ невечернаго свѣта < и подходятъ къ настоятелю, чтобы отъ его свѣчи зажечь свои свѣтильники (Труды Кіев. дух. Акад. 1866 г. ч. I стр. 482). Можно поэтому думать, что употребленіе трикирія священникомъ при пасхальномъ богослуженіи въ его настоящемъ видѣ есть явленіе въ нашей богослужебной практикѣ новое и быть можетъ даже чисто мѣстно-русскаго характера, выродившееся естественнымъ путемъ изъ обычая, существовавшаго когда то у насъ, употреблять при нѣкоторыхъ службахъ, три свѣчи. Такъ, напр., въ рукописномъ служебникѣ XII вѣка № 604—343 Московской Синодальной библиотеки указывается діакону на преждеосвященной литургіи произносить возгласъ: > Свѣтъ Христовъ < съ тремя свѣчами. > И иедъ діакъ, говорится здѣсь, съ кадиломъ и тремя свѣщами, глаголетъ: > Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ < (Опис. ркп. М. Синод. библ. ч. I отд. III М. 1869 г. стр. 8). Въ уставѣ конца XIV вѣка № 332—385 говорится по этому поводу: > священникъ беретъ въ правую руку кадило, въ лѣвую свѣщи три < (Мансв. о пѣсен. послѣд. стр. 80 прим.). Эти три свѣчи въ другихъ намастникахъ

третій разъ только до половины. Окончаніе тропаря допѣваль клиръ, послѣ чего настоятель говорилъ стихи, на которые хоръ

въ томъ же случаѣ замѣняются двумя (Ibid. стр. 27) иногда двумя > витыми < (Устав. XVI в. ркп. Солов. библи. № 1117 л. 130) и даже просто свѣщами въ неопредѣленномъ количествѣ (Ibid. стр. 23). Какъ бы тамъ ни было, но употребленіе трехъ свѣчей при богослуженіи практиковалось у насъ и эти три свѣчи считались безъ сомнѣнія, какъ и на востокѣ, имѣющими одинаковое значеніе съ трикиріемъ. (Symeon Thessal. de templ. Mign. Patrol. curs. complet. 155 pag. 349). Появленіе нынѣшняго трикирія при пасхальномъ богослуженіи есть, по нашему мнѣнію, весьма удачная замѣна упоминаемыхъ въ Уставѣ »лампадъ <, > свѣчь < и > свѣтъильниковъ <, предшествующихъ священнику и сопутствующихъ ему при этомъ богослуженіи. Самая форма этого трикирія, отличная отъ трикирія, употребляемаго при богослуженіи архіерейскомъ, во многомъ напоминаетъ собою трикиріи, употребляемые нынѣ въ малой Россіи простымъ народомъ въ день Богоявленія, отъ чего и праздникъ этотъ называется иногда праздникомъ » свѣтовъ <. Эти трикиріи суть ничто иное, какъ три обыкновенныя восковыя свѣчи, соединенныя вмѣстѣ и изогнутыя на концахъ по направленію къ держащему ихъ для образованія ручки, которая обвивается платками (въ древности — ширинкою) и убирается искусственными или же натуральными, но высушенными цвѣтами. Съ этими трикиріями народъ стоитъ во время освященія воды на вечернѣ въ канунъ Богоявленія и на другой день послѣ литургіи на рѣкѣ. Обычай стоять со свѣчами при водоосвященіи всѣмъ молящимся безъ исключенія практиковался и въ древне-русской Церкви (Тип. св. Варсоноф. ркп. XVI Каз. Спасск. м. л. 278). Въ Великороссіи въ старину, при освященіи воды, > диаконъ держалъ три витыхъ свѣчи на осѣненіе водѣ < (Устав. XVI в. ркп. Солов. библи. № 1117 л. 130 об.; № 1118 л. 469, ркп. Анз. ск. № 86 л. 523 об., 524) и свѣчи эти иногда назывались просто » триплетенною горящею свѣчею < (Служебн. ркп. XVI в. Солов. библи. № 1025 л. 275 об.). Этотъ послѣдній обычай не исчезъ окончательно и до настоящаго времени и три горящія восковыя свѣчи — трикирій гасятся въ освящаемой водѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великороссіи и доселѣ при всякомъ водоосвященіи. Нынѣшній священническій трикирій имѣетъ металлическую выгнутую ручку съ тремя чашечками для свѣчь и съ небольшою иконкою Воскресенія Христова въ сянніи на верху. Самая ручка украшается парчею съ позументомъ или же

отвѣчалъ всякій разъ троекратнымъ пѣніемъ „Христосъ воскресъ“. Въ заключеніе настоятель снова пѣлъ до половины

даже цвѣтамп. Дѣйствительно сходство между обоими указанными нами трикиріями, за исключеніемъ иконы Воскресенія Христова, весьма большое, но утверждать, что одинъ былъ прототипомъ другаго не осмѣливаемся, хотя и не видимъ здѣсь ничего невозможнаго. Но говоря выше, что въ практикѣ греческой Церкви не употребляется въ данномъ случаѣ особый священническій трикирій, который тамъ замѣняется, какъ мы уже знаемъ, свѣчею, мы, однако, должны не забывать, что обычай держать въ рукахъ икону Воскресенія Христова въ крестныхъ ходахъ, а по всей вѣроятности и въ началѣ каждаго пасхальнаго богослуженія практикуется и на христіанскомъ востоцѣ, если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ Иерусалимской Церкви. Наша русская путешественница А. Селиванова, описывая крестный ходъ изъ патриаршаго дома въ храмъ Воскресенія на первый день Пасхи предъ началомъ вечерни, между прочимъ, о шествіи патриарха въ этомъ ходѣ говоритъ такъ: > Держа въ лѣвой рукѣ зажженную свѣчу, а въ правой чудный эмалевый образъ Воскресенія въ рамкѣ изъ изумрудовъ, рубиновъ и брилліантовъ, патриархъ вышелъ изъ своего дома въ сопровожденіи всего духовенства и т. д. (Истор. Вѣстн. 1884 г. декабрь, № 12 стр. 701). Въ этомъ >эмалевомъ образѣ Воскресенія въ рамкѣ < мы могли бы видѣть нѣкоторое, по крайней мѣрѣ въ одной части, сходство съ нашимъ вышшимъ священническимъ трикиріемъ, на верху котораго тоже красуется икона Воскресенія въ лучахъ вмѣсто оправы и поставили бы несомнѣнно рассматриваемый нами трикирій въ этомъ по крайней мѣрѣ отношеніи въ зависимость отъ упомянутаго ручнаго образа Воскресенія въ Церкви іерусалимской, если бы съ другой стороны были увѣрены въ его чисто греческомъ происхожденіи (ни о чемъ подобномъ греческіе богослужебные памятники не упоминаютъ) и если бы не имѣли нѣкоторыхъ основаній предполагать русское происхожденіе даннаго обычая у самихъ грековъ, потому что, и по словамъ самой г-жи Селивановой, эта ручная драгоценная икона Воскресенія есть >даръ (русскаго) великаго князя Константина Николаевича< (Ibidem). Но во всякомъ случаѣ, если только въ этомъ образѣ Воскресенія, употребляемомъ іерусалимскимъ патриархомъ при пасхальномъ богослуженіи нельзя видѣть нѣкотораго прототипа иконы Воскресенія, находящейся на нашемъ священническомъ трикиріи нынѣ, то появленіе здѣсь этой иконы у насъ остается, по отсутствію всякихъ

тропарь, а конецъ допѣвалъ хоръ. При этомъ „власть крестомъ двери отворить“ и все въходятъ въ храмъ для слушанія утрени¹⁾. Изъ этого описанія мы видимъ, что наши Обиходники только прибавляютъ выносъ иконы, крестовъ и Евангелія, что потомъ сталъ указывать и нашъ современный іерусалимскій Типиконъ, и рекомендуютъ выходъ въ притворъ прямо черезъ западныя двери, а во всемъ остальномъ они ничѣмъ не разнятся отъ господствующаго іерусалимскаго Устава. О крестномъ ходѣ кругомъ храма эти Обиходники сохраняютъ глубокое молчаніе. Поэтому мы должны сказать, что первая практика—выходить въ притворъ черезъ сѣверныя двери и не дѣлать крестнаго хода кругомъ храма, будучи вполне согласна съ предписаніемъ дѣйствующаго церковнаго Устава, одобряется и не противорѣчитъ обычаямъ и Уставамъ церквей христіанскаго востока и въ тоже

иныхъ данныхъ, безъ всякаго объясненія. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ мы должны придти относительно священническаго трикирія, употребляемаго во время пасхальной недѣли и отданія Пасхи къ тому заключенію, а) что явленіе это въ нашей богослужебной практикѣ мѣстно-русскаго происхожденія и представляетъ весьма удачную замѣну »лампадъ«, »свѣтильниковъ«, »двухъ свѣщей«, предшествующихъ и сопугствующихъ священнику, по Уставу, за каждымъ богослуженіемъ перваго дня Пасхи; б) выработался онъ подъ влияніемъ тоже древне-русскаго обычая употреблять при нѣкоторыхъ богослуженіяхъ три свѣчи; в) форма этого трисвѣщника во многомъ напоминаетъ трикиріи, употребляемые въ малой Россіи и даже въ Велико-россіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на Богоявленіе и при совершеніи вообще водосвященій и г) наконецъ нынѣшнюю небольшую икону Воскресенія въ лучахъ, находящуюся на нашемъ трикиріи, можно ставить въ генетическую зависимость отъ подобной иконы въ оправѣ, употребляемой при пасхальномъ богослуженіи іерусалимскимъ патріархомъ, если, конечно, этотъ обычай іерусалимской Церкви, какъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, не позаимствованъ изъ Россіи.

¹⁾ Обиходн. ркп. Солов. библ. № 1117 л. 211 об., 212; ркп. М. Синод. библ. № 814 л. 270 об.—271; № 829 л. 13 об.; ркп. Волокол. библ. № 338 л. 253—255; № 342 л. 40 об.—41.

время имѣетъ за собою глубокую историческую давность, настолько прочно установившуюся, что всякаго рода уклоненія отъ этого обычая преслѣдовались въ практикѣ, какъ аномальность и противорѣчіе сложившимся издавна порядкамъ. Хожденіе кругомъ храма съ иконами помимо того, что находится въ прямомъ противорѣчій съ Уставомъ нынѣ дѣйствующимъ и расходится съ обычаями, одобряемыми практикою церковей восточныхъ и нашей древне-русской, едвали безъ натяжки можетъ быть поставлено въ соотвѣтствіе съ тою идеею, выраженіе которой хотятъ видѣть въ этомъ обрядѣ. „Обыкновенно, говорятъ изъяснители этого обряда, изъ притвора выходятъ вѣн храма и обходятъ храмъ (отъ запада на югъ, востокъ и сѣверъ), какъ бы изображая мѣроносицъ, шедшихъ утру глубоко помазать тѣло Христа Спасителя“ (Никол. Пособ. къ изучен. Устав. богосл. правосл. Церкв. Спб. 1874 стр. 614). Но Воскресеніе Христа Спасителя совершилось, по сказанію евангелистовъ, задолго до прихода мѣроносицъ, которыя нашли уже отваленнымъ камень отъ дверей гроба (Матѣ. XXVIII, 5; Марк. XVI, 6; Лук. XXIV, 2; Иоан. XX, 1, 2). Мы же, изображая мѣроносицъ этимъ ходомъ, являемся ко гробу еще запечатанному, что выражаетъ храмъ съ затворенными дверями, присутствуемъ при самомъ радостномъ моментѣ воскресенія Христова и слышимъ изъ устъ священниковъ первую вѣсть объ этомъ въ тропарѣ: „Христосъ воскресе“. Явное несоотвѣтствіе съ евангельскимъ сказаніемъ. Поэтому, по нашему мнѣнію, гораздо цѣлесообразнѣе придавать такое значеніе крестному ходу, совершаемому въ нѣкоторыхъ монастыряхъ послѣ литургіи въ этотъ день.

Какъ бы въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ нашимъ крестнымъ ходомъ кругомъ храма и при томъ съ троекратнымъ хожденіемъ, какъ это мы видѣли въ нашихъ памятникахъ XV вѣка, можно указать на обычай Іерусалимской церкви дѣлать крестный ходъ въ кувуклію предъ началомъ утрени. „За два часа до полуночи начали благовѣстити къ утрени, описываетъ встрѣчу Пасхи нашъ

русскій извѣстный путешественникъ ¹⁾ по востоку въ 1858 году, ударяя въ токи съ переборами, весьма искусно. Пришелъ патриархій на мѣстникъ со всеѣмъ соборомъ и былъ встрѣченъ у дверей съ обычною церемоніею. Началась утренняя по Уставу. Въ то же время стали зажигать по всему храму свѣчи и паникадила и вскорѣ „вся исполнилася свѣта“. Особенно часовня гроба Господня сіяла и свѣтилась „во истину чертога всякаго царскаго краснѣйша“; особенно изящно и старательно былъ убранъ передній фасадъ ея серебряными и золочеными иконами и фигурами, въ которыхъ отражался свѣтъ серебряныхъ и сребропозлащенныхъ лампадъ съ разноцвѣтными стаканчиками,—и наконецъ множествомъ свѣчей бѣлаго воска, коими обставлены были карнизы и капители колоннъ. Отъ тысячи лампадъ, освѣтившихъ самыя возвышенныя точки обоихъ куполовъ, храмъ сдѣлался по истинѣ „небесоподобнымъ“. Духовенство облачалось въ алтарѣ: на архіереяхъ были бѣлыя глазетовыя одежды, шитыя золотомъ. По облаченіи начался крестный ходъ: впереди несли 12 богато шитыхъ золотомъ и убранныхъ жемчугомъ хоругвей. Три раза духовенство обошло вокругъ кувукліи, все съ зажженными свѣчами и съ пѣніемъ: „Воскресеніе Твое Христе Спасе“... Потомъ духовенство остановилось противъ двери святаго Гроба. Митрополитъ, войдя во внутрь, вскорѣ вышелъ съ евангеліемъ и въ дверяхъ придѣла св. Ангела, обратясь лицомъ къ народу прочиталъ воскресное евангеліе (Матѣ. зач. 115). Потомъ взявъ кадила, онъ кадилъ предстоящихъ. Затѣмъ войдя внутрь св. Гроба вмѣстѣ съ сослужащими архіереями, возгласилъ: „Слава святѣй“. Владыки отвѣчали: „Аминь“, и вслѣдъ за тѣмъ все вкушъ воспѣли надъ самымъ живоноснымъ Гробомъ радостную пѣснь воскресенія: „Χριστός ἀνέστη“. Пѣвчіе громко повторили пѣснь во храмѣ. Тогда забили въ токи, завертѣли хоруг-

¹⁾ Архимандритъ Леонидъ, нынѣ на мѣстникъ Троице-Сергіевской Лавры, бывший нѣкоторое время начальникомъ нашей миссіи въ Іерусалимѣ.

вами и съ многократнымъ повтореніемъ побѣдной пѣсни: „Христосъ воскресъ“ вошли въ алтарь, и на Гробѣ Господнемъ началась литургія“ (Велик. постъ во св. градѣ Іерусал. стр. 74—75. Слич. Истор. вѣстн. 1884 г. кн. XII стр. 700). Связь нашего обычая съ описаннымъ сейчасъ началомъ утрени на Пасху въ Іерусалимѣ дѣйствительно можно усматривать. Быть можетъ даже подъ влияніемъ этого обряда Іерусалимской Церкви явился и у насъ настоящій обычай. Но какъ обычай исключительный въ самой Іерусалимской Церкви, вызванный обстоятельствами воспоминаемыхъ событій, и не практикуемый въ остальныхъ мѣстахъ христіанскаго востока, эта практика едва ли можетъ имѣть такое же право на свое существованіе и у насъ, и если допускать ее, то допускать, какъ только исключеніе, Уставомъ не предусмотрѣнное. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, какое значеніе придаютъ этому крестному ходу въ Іерусалимѣ, но собственно говоря сходство между Іерусалимскимъ и нашимъ обрядомъ только видимое. Въ Іерусалимѣ троекратное обхожденіе кругомъ кувуклія есть, кажется, повтореніе обычное во всѣхъ процессіяхъ, совершаемыхъ въ Іерусалимѣ на послѣднихъ дняхъ Страстной седмицы—и только, тогда какъ у насъ этотъ обычай существуетъ вполне самостоятельно, наравнѣ съ ходомъ кругомъ храма съ Плащаницею и евангеліемъ въ Великую субботу на утрени, и даже имѣеть, какъ мы видѣли, особое значеніе...

Такимъ образомъ изъ всего нами сказаннаго можно сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) Нынѣшній порядокъ начала утрени Пасхи въ своемъ цѣломъ составѣ, какъ его излагаетъ Типиконъ, получилъ свое начало въ XVI вѣкѣ, а окончательно утвердился въ нашей богослужебной практикѣ только въ XVII вѣкѣ, со времени внесенія его въ печатный Типиконъ. Тотъ же порядокъ до XVI вѣка, будучи во многомъ сходенъ съ нынѣшнимъ, ничего не говоритъ, согласно съ древнѣйшею практикою церквей восточныхъ, о выносѣ креста, Евангелія и другихъ иконъ.

2) Нынѣшній порядокъ начала утрени на Пасху во всемъ сходенъ какъ съ древнѣйшими греческими богослужебными памятниками, такъ и съ позднѣйшею практикою церквей восточныхъ.

3) Выходъ съ евангеліемъ, иконами и хоругвями для начала пасхальной утрени долженъ совершаться, согласно съ древнѣйшею и новѣйшею практикою Церкви греческой и земель югославянскихъ и съ предписаніемъ нашихъ древнѣйшихъ Типиконъ и современнаго намъ, черезъ сѣверныя двери и направляться прямо въ притворъ къ западнымъ затвореннымъ дверямъ. Въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ нѣтъ сѣверной двери, въ храмѣ, выходъ этотъ долженъ быть, по обычаю древнѣйшей практики монастырей св. Кирилла—Бѣлозерскаго и св. Антонія—Сійскаго, черезъ западныя двери, которыя, по выходѣ изъ храма, тотчасъ же затворяются на глухо и настоятель начинаетъ передъ ними утрению по Уставу.

4) О крестномъ ходѣ съ иконами и евангеліемъ кругомъ храма предъ началомъ утрени, явившемся въ богослужебной практикѣ нашей Церкви нѣкоторыхъ мѣсть еще въ XV столѣтіи и практикуемомъ иногда и доселѣ, Типиконы древнѣйшей и современной намъ Церквей греческой и русской ничего не говорятъ. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ современная практика Церкви Иерусалимской, находящейся въ исключительномъ положеніи по отношенію къ настоящему торжеству. Эта практика допускаетъ обычай, во многомъ напоминающій намъ этотъ крестный ходъ, но существенно отъ него различающійся. Поэтому, гдѣ этотъ обычай имѣетъ силу давности и историческихъ традицій и ставится въ связь съ обычаемъ Церкви Иерусалимской, дабы не вызывать ропота со стороны прихожанъ, привыкшихъ къ нему, долженъ совершаться согласно съ практикою Иерусалимской Церкви. Т. е. священникъ съ иконами, хоругвями и евангеліемъ долженъ трижды обходить св. храмъ съ пѣніемъ стихиръ: „Воскресеніе Твое Христе Спасе“ и затѣмъ уже приходитъ въ притворъ для начала утрени. Выходъ изъ

храма долженъ совершаться или черезъ сѣверныя двери, или же, по отсутствію ихъ, черезъ западныя. Во все время хода звонъ не долженъ прекращаться до прихода въ паперть для начала утрени.

А. Дмитриевскій.
